Галина Милоградская

Пансионат (не) благородных девиц

Только моя

18+

Магическое, горячее, счастливое

Галина Милоградская

Пансионат (не)благородных девиц. Только моя

«Автор»
2021

Милоградская Г.

Пансионат (не)благородных девиц. Только моя /
Г. Милоградская — «Автор», 2021 — (Магическое, горячее, счастливое)

Новый мир, новая жизнь, новые проблемы. Бывшая жена, бывший любовник, бывшая подруга, а ещё — чужая страсть, чужая воля и чужое желание. Кэрри очень хочет покоя, Сакумо не хочет ничего, кроме покорной сете-паи рядом. А мир вокруг проверяет на прочность, подбрасывая новые испытания.Вторая часть «Пансионат (не)благородных девиц».

© Милоградская Г., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Галина Милоградская
Пансионат (не)благородных девиц. Только моя

Глава 1

Это просто не может быть правдой! Кэрри повторяла снова и снова, будто от этого что-то могло измениться. Первым делом она подошла к окну, за которым раскинулся большой сад. Идеально подстриженная трава, большие валуны, живописно разбросанные то тут, то там, журчащий ручеёк, пересекающий зелёную поляну, через него — изящно изогнутый деревянный мостик. На противоположной стороне сада виднелись длинные одноэтажные постройки с изогнутыми вверх крышами. Ни разу не доводилось бывать в Японии, но сейчас Кэрри была уверена, что всё это определённо оттуда. Нахмурившись, она провела ладонью по лицу, стиснула виски и яростно их потёрла. Как она сюда попала?

Отойдя от окна, она осмотрелась: комната не выглядела ни роскошными покоями, ни каморкой прислуги. Деревянные полы, решетчатые перегородки вместо дверей, низкая кровать с жестким матрасом и высокое зеркало в пол за ширмой. К нему и понесли ноги: хотелось посмотреть на себя, вдруг это всё ещё сон? Нет, Кэрри была прежней: яркая брюнетка с серыми глазами, немного испуганная, слегка исхудавшая — на лице выступили острые скулы — но всё ещё она. Из одежды на ней была лишь белая рубашка до колен, волосы спутались и отчаянно просили расчёску. Проведя по ним рукой, Кэрри нахмурилась: и что теперь? Куда идти, чего вообще ждать? К кому обратиться за помощью?

Осознание собственного одиночества, наступившего так резко, нахлынуло, выбивая воздух из лёгких. Ноги сами подогнулись, и, подтянув к подбородку колени, Кэрри горько всхлипнула, ловя своё отражение. Одна, навсегда, без друзей, без будущего. Кто она теперь, и как жить дальше? Можно было сколько угодно представлять своё будущее в пансионате, в окружении подруг, в привычном мире. Но реальность слишком отличалась от воображения. Она пугала.

Постепенно, Кэрри успокоилась. И перед глазами тут же замелькали картинки последних суток пребывания в пансионате. Тони, его безумие, его грубость и похоть. Тело полностью излечилось, но сердце всё ещё сковывал страх, а воспоминание о беспомощности вызвало приступ паники. Здесь её никто не защитит, не спасёт. В груди стало тесно, будто воздух резко закончился. Испуганно распахнув глаза, Кэрри тяжело задышала, пытаясь справиться с накатившим страхом. Поднесла запястья к глазам — нет, никаких следов от ремней, но почему тогда они всё ещё чувствуются на коже? Неужели у Тони получилось, он действительно перенёс её сюда?.. Последнее, что Кэрри помнила — его лицо и обещание вернуться. А после всё расплывалось, как в наркотическом тумане.

— Госпожа?

Кэрри испуганно отшатнулась от невысокой молоденькой девушки — едва ли старше шестнадцати — которая склонилась перед ней в низком поклоне.

— Ты кто? — голос зазвучал хрипло, пришлось прокашляться, чтобы продолжать. — Где я?

— Господин принёс вас неделю назад, госпожа, — девушка снова склонилась, не смея посмотреть на Кэрри. — Сказал, чтобы мы ухаживали за вами, и отбыл по делам.

— Господин? — Кэрри рвано вздохнула. Тони усыпил, чтобы не сбежала? Или чтобы прошло больше времени в пансионате и никто не хватился? У кого узнать правду? Служанка явно ему предана.

— Меня зовут Юми, госпожа. — Девушка всё же выпрямила спину, но по-прежнему отводила взгляд. — Уверена, господин будет рад услышать, что вы пришли в себя.

— Вы же сказали, он отбыл по делам.

— Мы поддерживаем связь. — Юми слабо улыбнулась, и Кэрри почудилось, что она насмехается. Да какого чёрта? У них тут есть интернет, смартфоны, телевидение, или они голубей шлют и радуются, если их никто не сбил по пути? Проглотив так некстати подкатившую злость, Кэрри кивнула, будто всё поняла, и попросила проводить её в ванную. Должны же здесь быть элементарные удобства?

Позже, переодевшись в жутко неудобное, хоть и красивое, розовое кимоно, Кэрри медленно прогуливалась по саду. До любви к созерцанию природы ей всегда было далеко, а сейчас на душе слишком неспокойно, чтобы любоваться рыбками, играющими в прозрачном ручье. Вокруг было тихо. Не считая природы и редких, почти неслышных разговоров прислуги, двор и дом словно спали. После насыщенных, ярких, хоть временами и сложных, недель, проведённых в пансионате эта тишина давила на уши. «Вот оно, моё чудовище, похитило и утащило в свой безлюдный замок, чтобы теперь медленно съесть», — невесело подумалось Кэрри.

Шорох гравия отчётливо прозвучал за спиной, но Кэрри не стала оборачиваться. Кто бы это ни был, он не сможет успокоить, привести подруг или вернуть домой.

— Ты очнулась. Я рад.

От звука знакомого голоса тело будто молнией прошило. Кэрри резко обернулась и посмотрела на Сакумо, волна невыразимого облегчения прокатилась под кожей.

В тёмно-синем кимоно, с волосами, завязанными в пучок на затылке, с рукоятями двух мечей, торчащих за спиной он выглядел таким гармоничным посреди этого сада, что на миг показалось, будто Кэрри попала в фильм. Да уж, его белая рубашка и узкие чёрные брюки смотрелись бы здесь совершенно неуместно. Всё это промелькнуло в голове и тут же скрылось, поглощённое отчаянием.

— Почему я здесь? Ты меня украл?

— Украл? — Сакумо нахмурился и сделал шаг к ней, но остановился, заметив испуг на дне серых глаз. — С чего ты взяла? Я ведь говорил, что хочу забрать тебя к себе.

— Ты говорил, что я должна завершить обучение. А ещё — что не решил до конца. И теперь вдруг приступ альтруизма?

— Я забрал тебя, потому что посчитал твоё обучение законченным, — в голосе Сакумо зазвучало раздражение.

— И поэтому даже не дал попрощаться с подругами?

— Ты была не в состоянии прощаться с кем бы то ни было. Или тебя надо было оставить у Энтони? Прости, что не разобрался, — ядовито ответил он.

— Выходит, мне стоит поблагодарить тебя за то, что спас? — Кэрри горько усмехнулась. — Забрал у одного повёрнутого на власти и сексе и привёз сюда, к другому?

— Мне кажется, ты забываешься. — Сакумо явно злился, но голос звучал ровно, холодно. — Я не обязан ничего тебе объяснять, не обязан перед тобой отчитываться. Ты с самого начала должна была оказаться здесь, думаешь, тот, кто купил бы тебя на аукционе, стал бы проводить экскурсию, прежде чем затащить в кровать?

— Может и нет, но… — Кэрри растерялась. А правда: чего именно она от него ждала? Стоило поблагодарить за спасение, а не набрасываться с упрёками.

— А ты знаешь, что происходит перед аукционом? — губы Сакумо презрительно скривились, он окинул Кэрри пронзительным взглядом. — Выпускной экзамен — это простая оргия, в которой участвует выпускница, или две, если дошли одновременно, и весь преподавательский состав. На глазах у всех желающих приобрести девушку. А потом… — заметив, как побледнела Кэрри, безжалостно продолжил он, — каждый желающий может присоединиться, ведь надо знать, за что собираешься платить деньги.

— И… — Кэрри приложила ладонь к горлу, голос невольно просел, — я тоже должна была… так…

— Ты особенная, правда, но не настолько, чтобы ради тебя менять правила. — Сакумо мрачно усмехнулся: — Единственное отличие для тебя заключалось бы в том, что покупателей было бы меньше.

— Но ты с самого начала говорил, что дождёшься аукциона, — прошептала Кэрри. — Значит, хотел, чтобы я через это прошла?..

— Это обычная практика, — пожал плечами Сакумо, невольно скривившись. Нет, себе он мог признаться, что не хотел подобного для Кэрри, просто потому что сам аукцион всегда вызывал у него чувство брезгливости. Сакумо даже был рад, что всё сложилось именно так и никто не посмел возражать на его решение выкупить Кэрри раньше срока. Но ей об этом знать было не обязательно.

— Как я могла считать, что ты другой, — горько ответила Кэрри.

— Не надо тешить себя иллюзиями относительно меня и моего к тебе отношения. — Сакумо сжал губы в тонкую полоску, развернулся и ушёл: разговор явно пошёл не по плану. Точнее, он пошёл именно так, как предупреждал Коннор — Кэрри не бросилась на шею с благодарностью, а вполне справедливо обвинила, назвала вещи своими именами. Она для него никто, он для неё хозяин, и этого не изменить. Но отчего тогда на душе так горько?

Кэрри глотала слёзы, провожая взглядом высокую худощавую фигуру. А чего она от него хотела? Признаний в любви? Бред. Расшатавшиеся нервы заставили вести себя, как истеричка, хотя таковой Кэрри никогда себя не считала. Но кто останется в здравом уме, проведя два с половиной месяца в стенах закрытого секс-пансионата в окружении мужчин, которые оказались богами? Кто сможет смотреть на мир по-прежнему, проведя больше суток в плену, подвергаясь сексуальным пыткам? Кэрри хотелось бы не меняться, но она не могла чувствовать себя той беззаботной прожигательницей жизни, что попала в пансионат. Не могла и чувствовать себя таинственной и могущественной сете-паи, которую, по словам профессоров, должны носить на руках на Зельдаре. Она была никем и чувствовала себя именно так — никем, пустым местом. Обхватив себя руками, она медленно побрела к дому, низко опустив голову.

Сакумо наблюдал за ней издалека, не переставая хмуриться. Наверное, не зря столько лет избегал любых тесных контактов с женщинами, с ними всегда было сложно, взять хотя бы Линн. Сегодня пришлось посетить чертоги Пантеона: такое событие, как новая любовница, прошло бы мимо, будь то это не Сакумо с его вечным затворничеством и одиночеством. Поэтому пришлось облачиться в традиционные одежды и провести два дня среди тех, кого даже с натяжкой нельзя назвать друзьями. Скорее, товарищами по несчастью, живущими на одной территории. Линн среди них, хвала силе, не было, но ей скоро донесут, и никто не может предугадать её реакцию. Хорошо хоть у Энтони хватило ума не появляться на глаза, хотя Сакумо был уверен — так просто он не отстанет. И не забудет, что по приказу Сакумо лишился половины силы. Потерев переносицу, Сакумо устало вздохнул: взвалил на себя ношу, которую теперь самому же и тянуть. Что ж, давно в его жизни не было трудностей, может, это будет даже забавно.

— Юми, с этого дня будешь служить госпоже, — сухо распорядился он, услышав шаги служанки, остановившейся за спиной. Не надо было даже оборачиваться, чтобы знать — она склонилась в почтительном поклоне почти до пола. Слуги были преданы Сакумо, все до одного, и прежде всего он хотел получить представление о том, чем живёт Кэрри в его отсутствие. А ещё — дать ей понять, что она не одинока, что есть те, с кем можно поговорить. Лезть к ней в душу он не собирался, и об этом тоже было сказано Юми: никаких докладов о мыслях и чувствах, только отчёт о ежедневных делах. Сегодня Кэрри будет ужинать одна — он даст ей привыкнуть к мысли, что теперь они вместе. А завтра… Завтра можно будет вновь попытаться

наладить контакт. Досадно, ведь у них неплохо получалось в пансионате, если бы не идиот Энтони, Сакумо до аукциона смог бы внушить Кэрри, что его не стоит бояться. Теперь же придётся начинать всё сначала.

Кэрри сидела на коленях перед низким столом и изучала расставленные перед ней блюда. Можно сколько угодно злиться и жалеть себя, но голод никто не отменял. Юми быстро накрыла обед (или уже ужин? Кэрри понятия не имела, сколько сейчас времени) и встала у распашных дверей, сложив руки на животе и низко склонив голову.

— Юми, — позвала Кэрри, которую эта поза порядком напрягала. — Ты не могла бы оставить меня одну?

К слугам она привыкла с детства — в их доме всегда было достаточно горничных, поваров, водителей, охраны… Но эта девушка будто просто поднять на неё глаза боялась, это нервировало. Юми повиновалась моментально, чем вызывала новую вспышку раздражения — всё-таки это единственный человек, с которым она может сейчас поговорить. Подумав, Кэрри всё же вернула её, но приказала сесть напротив.

— Расскажи мне об этом месте, — попросила она, принимаясь за карри из говядины. — Я знаю, что это Зельдар, но это, — Кэрри обвела палочками комнату, — что это?

— Это резиденция нашего господина, — робко ответила Юми и с недоверием покосилась на неё — явно начинала считать слишком глупой для таких явных вещей.

— Я понимаю, — терпеливо сказала Кэрри. — Но она же как-то называется? А кто живёт рядом? И чем вообще вы тут занимаетесь?

— Занимаемся? — Юми впала в ступор. Несколько раз хлопнула ресницами, пытаясь понять, чего именно от неё хочет госпожа. Время на Зельдаре текло иначе, года, проходившие на земле, здесь могли занимать десять минут, а порой, наоборот, земные сутки растягивались на месяцы. И всё это время, сколько себя помнила, Юми служила господину Сакумо. Появление незнакомки произвело настоящий фурор среди жителей дома. Юми завидовали — сможет узнать о госпоже из первых уст, да она и сама поначалу обрадовалась. Но сейчас понятия не имела, как себя вести и что говорить, к тому же, госпожа не производила впечатление уверенной в себе роковой красотки. А ещё казалась немного глуповатой.

Заметив растерянность, Кэрри тяжело вздохнула:

— Как проходит ваш день? Часто ли здесь бывают гости?

— Не часто, — тут же откликнулась Юми. — Господин не любит принимать гостей. Его резиденция называется Замок поющей воды, одно из самых красивых мест на Зельдаре. — В голосе отчётливо звучала гордость, и Кэрри невольно улыбнулась.

— А далеко ли до другой… резиденции?

— Если передвигаться в повозке или верхом, то два дня до ближайшей резиденции Золотого песка, там живёт господин Сэт.

«Коннор, значит, совсем рядом», — невольно, Кэрри почувствовала облегчение. Пусть Коннор и не был её другом, но хоть кто-то знакомый в этом странном месте.

— А… — она замялась, подбирая слова: неизвестно, знают ли слуги кто она и откуда, знают ли вообще их с Сакумо, хм, историю знакомства? — господин Сакумо часто бывает дома?

— Нет. — Юми тяжело вздохнула. — Он занят делами на Земле, поэтому редко появляется в резиденции.

— Он хороший хозяин?

— Лучший! — ответила Юми с таким жаром, что у Кэрри невольно закралось подозрение, что она в него явно влюблена. Но, заметив скептичное выражение лица Кэрри, Юми тут же возразила, забыв на миг о почтении к госпоже: — Мы все очень любим господина. Он не устраивает сумасшедших оргий, никогда не заставляет слуг выполнять то, что они не хотят и вообще, он очень чуткий и добрый.

— И красивый, — с намёком добавила Кэрри, решив, что может так говорить о мужчине, который привёл её в свой дом в качестве… Кстати, в качестве кого она тут? Как себя представлять? Напрямую у служанки не спросишь. Как же не хватало Зои, вот с кем можно было бы обсудить всё это дерьмо и попытаться выработать стратегию дальнейшего поведения.

— Он вам нравится, госпожа? — робко спросила Юми, когда Кэрри отложила в сторону приборы.

— Кто? — поглощённая мыслями, Кэрри не сразу поняла, о чём её спрашивают.

— Господин, — удивлённо ответила Юми. Подозрительность к госпоже только усилилась — откуда она вообще взялась?

— Конечно. — Кэрри даже кивнула в подтверждение своих слов, хотя подозревала, что выглядит не слишком убедительно. Да, Сакумо был красив, и да, у них возникло взаимопонимание, шаткое и хрупкое. Но это было там, в другой жизни, а что делать сейчас — кто бы подсказал…

Юми успела убрать со стола и теперь планировала показать госпоже сад, когда навстречу выскочил запыхавшийся парень в чёрной юкате и белых штанах. Почтительно склонившись перед госпожой, он выпалил, ловя воздух широко раскрытым ртом:

— Там… там прибыла госпожа Линн!

— Что? — позабыв обо всём, Юми распахнула глаза.

— Кто это? — тут же поинтересовалась Кэрри.

— Это… — Юми замялась и густо покраснела, мечтая как можно скорее провалиться под землю и провести там следующие сутки, не меньше. — Это жена господина Сакумо, госпожа.

— Жена? — Кэрри пошатнулась, нащупала стену за спиной, боясь, что упадёт. Значит, он женат. Тогда какого хрена вообще она тут забыла? Решил привезти игрушку для разнообразия, привычное наскучило и захотелось тройничка? Злоба подкатила к горлу, Кэрри невольно сглотнула, до хруста выпрямила спину.

— Пожалуй, я не буду мешать господину, — с достоинством сказала она, пытаясь припомнить, где находится спальня.

— Но… госпожа, — робко сказал слуга, — господина Сакумо нет в резиденции. А госпожа Линн сказала, что хочет познакомиться с вами.

Кэрри всё же смогла пропихнуть цепкий, царапающий глотку комок, и кивнула. Что ж, она ей не соперница, так и даст понять сходу. А потом попытается сбежать, и минуты тут не останется. На это она не подписывалась!

Глава 2

Опустошение — единственное, что сейчас чувствовала Кэрри. А ещё — дикую усталость от происходящего в её жизни. Казалось, она просто утратила способность удивляться и теперь просто медленно плыла по течению, ударяясь о камни снова и снова. То, что Сакумо оказался женат, стало последней каплей. Ей в очередной раз указали на место в чужой жизни, унизительное, жалкое, но ведь никто не обещал, что Сакумо вдруг станет носить на руках. Да и этого от него Кэрри явно не ждала. Зато ждала доверия, наивно, но надеялась, что они смогут найти общий язык и прожить этот год нормально. Год. Кэрри остановилась посреди коридора, не обратив внимание на Юми, тут же замершую за спиной. Кто сказал, что она пробудет здесь год, ведь договорённость с пансионатом явно больше ничего не значит. Может, он захочет, чтобы она осталась здесь навечно? Завёл ручную зверушку, которую теперь будет призывать к себе при каждом удобном случае. На глаза навернулись слёзы, но Кэрри зло моргнула, прогоняя их — показывать свою слабость перед женой Сакумо она не собиралась.

Вскоре перед Кэрри распахнулись раздвижные двери, зелёный сад ослепил красками после полумрака дома. Она заметила её сразу — яркую, словно тропическая бабочка, ошеломляюще красивую. Отчего-то Кэрри думала, что она будет похожа на самого Сакумо, черноволосая, черноглазая, с белоснежной фарфоровой кожей. Но увиденное ошеломило. Женщина, прогуливающаяся вдоль прозрачного ручья с карпами, была пленительной блондинкой с лёгким бронзовым загаром и тёплыми, янтарными глазами. Заметив Кэрри, она приподняла точёную бровь и, не скрываясь, прошлась внимательным взглядом от макушки до пяток. На ней было тонкое, полупрозрачное платье цвета песка на закате, тонкие запястья перехватывали витые браслеты, волосы свободно лежали на спине, почти касаясь поясницы. В до жути неудобном кимоно, с непонятной причёской Кэрри почувствовала себя попрошайкой, заглянувшей в окно богатой леди.

— Так вот ты какая, — голос оказался под стать хозяйке: мелодичный, мягкий, с тонкими нотками насмешки. — Подойди, хочу разглядеть тебя получше.

Ноги сами понесли навстречу, Кэрри даже не успела удивиться. В воздухе неуловимо витал аромат жасмина, казалось, что всё вокруг искрится и дрожит. Хотелось улыбаться и выполнять любое желание прекрасной незнакомки, только бы она продолжала смотреть, говорить, позволила стоять рядом. Сделав несколько шагов, Кэрри заставила себя остановиться: глупо, в самом деле, что за мысли? Какая-то девица решила, что может ей приказывать? Пока Сакумо лично не скажет, что она должна её слушаться, Кэрри и не подумает. Наваждение рассеялось резко, по телу волной прошёл приятный холодок, покалывая на кончиках пальцев, будто кровь возвращалась в затёкшие мысли. Приподняв подбородок, Кэрри одарила её таким же внимательным взглядом, вызывав удивлённую, задумчивую улыбку.

— Я Линн. Сакумо не говорил обо мне, не так ли?

— Нет. — Кэрри не видела причин лгать. — Я не знала, что он женат.

— Дорогая, — Линн мягко рассмеялась, словно зазвенели хрупкие хрустальные колокольчики. Но в этот раз её магия продержалась не дольше секунды. — Не волнуйся, я не собираюсь устраивать скандал от того, что муж привёл другую. — Она подошла и хотела было коснуться щеки Кэрри, но та отшатнулась. — С норовом, значит? — протянула Линн. — Не думала, что Сакумо нравится объезжать лошадей.

Кэрри молчала, прекрасно понимая, что злить Линн, не узнав как следует о собственном положении и будущем, не стоит. Она может стать как врагом, так и другом, хотя, и в этом Кэрри была уверена практически на сто процентов, друзей из них не выйдет.

— Или ты уже покорная девочка? — Линн усмехнулась, склонив голову набок. Её словно ореолом окутывало облако золотых волос, подсвеченных солнцем. Но в янтарных глазах не

было и намёка на теплоту или участие. — Хм, послушай, а может, ты из Земли? Он нашёл тебя в том пансионате, да? Земная шлюшка, решившая замахнуться на чужое могущество?

— Мне не нужно могущество, — спокойно ответила Кэрри.

— Надо же, ты умеешь говорить. Чтож, хотя бы не немая. Если честно, я бы не удивилась, если бы Сакумо выбрал немую и глухую, может, даже слепую, чтобы не могла рассмотреть его жалкие попытки выглядеть настоящим мужчиной. Что же он в тебе нашёл?

Линн приподняла Кэрри за подбородок, ухватила двумя пальцами и заставила повернуть голову сначала в одну, потом в другую сторону. Не выдержав, Кэрри вырвалась из захвата и отступила.

— Да ты дикарка, — снова рассмеялась Линн. — Раньше Сакумо не любил женщин, имеющих собственное мнение. Впрочем, именно из-за этого мы и расстались, о чём я ни на секунду не пожалела. На Зельдаре полно других развлечений, кроме как торчать здесь и изображать верную жену.

— У тебя никогда это и не получалось, Линн.

Сакумо остановился за спиной Кэрри, она могла почувствовать жар, исходящий от его тела. Но оборачиваться не стала, так и застыла, глядя прямо перед собой. Какие бы отношения с женой его не связывали, он мог хотя бы рассказать. Впрочем, когда он стал бы это делать? В пансионате? Бред. Здесь? Но они не успели и десятком слов перекинуться, да ещё и на повышенных тонах. Не самый лучший момент для подобных признаний.

— Думала, ты уехал к Сету. — Линн, поначалу растерявшаяся, моментально взяла себя в руки. Повела плечом, отчего грудь, едва прикрытая прозрачной тканью, призывно колыхнулась. — Примчался защитить свою игрушку?

— Что ты здесь забыла? — голос Сакумо осыпался сухим льдом под ноги, вызывая желание оказаться как можно дальше отсюда.

— Ну, ты же не настолько глуп, чтобы не понять — её появление в твоей резиденции вызвало повышенный интерес.

— Который я уже удовлетворил в Пантеоне. Ещё вчера.

— Ну, одно дело рассказать и совсем другое — увидеть. — Линн кокетливо хлопнула ресницами и вновь посмотрела на Кэрри, застывшую соляным столпом между ними. — Так что в ней такого, Сакумо, раз ты решил прервать своё вечное одиночество? Не думаю, что дело в сексе, он никогда особо тебя не привлекал. Может, ты влюбился?

— Тебе лучше уйти, — ровно ответил Сакумо. — И, желательно, оказаться на другой стороне Зельдара.

— Грубый, как и всегда, — надула губы Линн. Стрельнула новым взглядом в Кэрри и презрительно усмехнулась. — Если бы не была твоей женой, сказала бы, что твои вкусы всегда были специфичны.

— Ты ничего не знаешь о моих вкусах. И никогда не пыталась узнать. А теперь бери свой очаровательный зад в руки и проваливай.

— Работа со смертными шлюшками сделала из тебя дикаря. Где твои манеры, милый? Забыл, как просил остаться? Если попросишь ещё, я, может быть, подумаю над твоим предложением.

— Линн, — сухая насмешка Сакумо взъерошила волосы на затылке Кэрри, — ты бы ещё вспомнила, как правила на Земле. Это было в прошлой жизни.

— Я разбила ему сердце, — доверительно прошептала Линн, склонившись к Кэрри. — И бедняга до сих пор не может оправиться. Мне даже жаль тебя, девочка. Пытаться расшевелить эту ледышку то ещё занятие.

— Ты ещё здесь?

— Ухожу, милый, ухожу. Но вполне возможно скоро вернусь. — Линн плавно обогнула их и пошла по дорожке, но у входа в дом остановилась и обернулась: — У меня ведь есть все

права жить тут. Кто знает, вдруг я захочу им воспользоваться? Представляешь, как это всех взбудоражит! Мы снова вместе! Ради того, чтобы разворошить Пантеон, я готова попытаться всё наладить.

— Вороши его с кем-нибудь другим, до этого у тебя отлично получалось, — холодно бросил Сакумо.

Линн не ответила. Фыркнула и скрылась в доме. На несколько секунд стало тихо. Множество вопросов теснились у Кэрри на языке, от полученной информации пухла голова.

Разряд тока пронзил сверху до низу, когда на плечи легли чужие ладони. Сакумо осторожно развернул её к себе и склонил голову набок.

— Что она тебе говорила?

— Ничего, — равнодушно ответила Кэрри. — Просто захотела посмотреть. Как в зоопарке, знаешь.

— Привыкай, она была первой, но далеко не последней.

— Ты привёз меня сюда, чтобы показывать другим?

— Это часть моей жизни, я не могу этому препятствовать.

— И кем ты меня представил? Любовницей? Рабыней? А может… — Кэрри усмехнулась, — возлюбленной?

Сакумо поморщился — всё же колючек в ней хоть отбавляй. Но это даже к лучшему, ведь Линн с самого начала была мягкой кошечкой, и лишь спустя год начала показывать истинный характер. Менять Кэрри в планы Сакумо не входило.

— Я сказал, что ты моя сете-паи, — спокойно ответил он. — Что принадлежишь мне и будешь рядом год.

— А потом?.. — голос внезапно подвёл, сел. Да. На год она и рассчитывала, но и представить сейчас не могла, что будет дальше.

— А потом ты будешь вольна уйти. Тебе построят дом в любом месте Зельдара, у тебя будет сила: совсем скоро ты её почувствуешь и станешь накапливать. Использовать сможешь не сразу, но с этим я помогу. Может, кто-то предложит жить вместе.

— И я, конечно же, соглашусь, — горько усмехнулась Кэрри. — Так? Сначала ты меня будешь трахать, а потом передашь из рук в руки кому-то из друзей?

— Кэрри, — Сакумо тяжело вздохнул и потёр веки. И отчего он решил, что ему это надо? — Я не виноват в том, что сделал с тобой Энтони. Может, не будешь вымещать злость на него на мне? Ты должна была пройти курс и узнать гораздо больше, привыкнуть, но получилось так, как получилось, и этого не изменить. Я постараюсь помочь и буду отвечать на любые вопросы, которые ты пожелаешь задать. Если меня не будет рядом, можешь обращаться к слугам, все они рады будут помочь. Понимаю, тебе сейчас тяжело. Но привыкать придётся быстро. И да, возможно, кто-то захочет забрать тебя к себе, но через год ты будешь вольна в своём выборе. Никто не посмеет тебя принудить или решать за тебя.

— А сейчас я принадлежу только тебе, — тихо ответила Кэрри, опуская глаза. Смотреть в его красивое, но совершенно равнодушное лицо было невыносимо.

— Да, — глухо сказал Сакумо. Вид склонённой головы будил в груди тонкое, щемящее чувство вины, а он ненавидел признавать, что виноват. Всё же, никто не посмел бы прикоснуться к ней после поступка Энтони. Сакумо мог забрать её на индивидуальное обучение, не разлучать с подругами и купить до аукциона. Но вместо этого принёс сюда. Зачем?..

— И как я должна вести тебя с тобой… господин? — еле слышно спросила Кэрри. От отчаяния и безнадёжности хотелось выть, но приходилось держаться, чтобы он не увидел, как ей на самом деле паршиво.

— Не надо никаких господ, Кэрри. — Сакумо поморщился. — Обращайся по имени. И помни, что сейчас ты тут имеешь практически такую же власть, как и я. Можешь свободно

перемещаться по всей резиденции, на днях я покажу тебе всё, но пока, прошу, постарайся не покидать пределы дома и внутреннего сада. Это может быть небезопасно.

— В смысле? — тут же вскинулась Кэрри. — Мне могут угрожать? Попытаться украсть? Что со мной может случиться?!

— Никто не посмеет тебе угрожать или пытаться причинить боль. — Сакумо осторожно коснулся плеча, сжал пальцы, пытаясь поделиться собственной уверенностью. Конечно, говорить о том, что Энтони прячется где-то и может в любой момент через Кэрри попытаться отомстить ему, не стоит. — Просто ты пока ничего не знаешь о Зельдаре за воротами, мне будет проще, если мы будем выходить куда-то только вдвоём.

— А спать… — Кэрри протолкнула комок, вставший в горле, — спать мы будем вместе?

Сакумо ответил не сразу. Посмотрел так, что внутренности сделали сальто, а кровь прилила к щекам. Вздохнул и мягко погладил плечо, которое продолжал сжимать.

— Я понимаю, что тебе досталось. И не хотел бы торопить. Но и смысла делать вид, будто между нами ничего не было, не вижу. Да, Кэрри, спать мы будем вместе.

Он криво усмехнулся собственным мыслям: надо же, стоило лишь подумать о ней, обнажённой, разметавшейся на его простынях, умоляющей не останавливаться, и в паху стало жарко. Видимо, сете-паи всё же обладают этой магией — лишать разума любого бога. К чему лгать себе: он хотел её, хотел все эти дни, что она лежала без сознания. Хотел и начинал даже бояться этих эмоций, слишком уж они выбивались из привычного, равнодушного фона.

— Тогда может, — Кэрри тщетно пыталась говорить равнодушно, но голос всё равно дрожал, — может, покажешь мне спальню?

Сакумо нехотя отпустил её и кивнул в сторону дома.

— Это дом, — начал он, когда она пошла следом, — точная копия одного из моих храмов. Думаю, нет смысла тебе объяснять, в какой именно стране я был богом.

— Нет, — невольно улыбнулась Кэрри. Осторожно спросила: — А ты… богом чего именно ты был?..

— Войны, — отрезал он, слегка помрачнев. — Богом войны, разрушений, смерти.

— О, — только и смогла произнести Кэрри, искоса рассматривая его точёный профиль. Да, пожалуй, ему бы это пошло: стоять посреди поля с окровавленным мечом, полыхать чёрным взглядом и хищно улыбаться, глядя на поверженных врагов.

— Страшно? — усмехнулся он.

— Нет, — тут же ответила она. — Значит, это копия твоего храма…

— Да, — Сакумо с благодарностью сменил тему. — Моя резиденция называется Замок поющей воды, и это не просто поэтическое сравнение. Скоро ты поймёшь, почему я так её назвал.

Они вошли в дом и теперь медленно шли по коридору, не обращая внимания на склоняющихся в поклонах слуг.

— Я редко бывал на Зельдаре в последнее время, но сейчас у меня не осталось дел на Земле, поэтому мы будем проводить много времени вместе.

— Не хочешь терять ни одного дня? — иронично поинтересовалась Кэрри.

— Можно сказать и так, — пожал он плечами. В молчании они пересекли просторный зал, дубовые балки подпирали потолок, на пол падали столбы света, проникающего сквозь распахнутые в стороны окна. Расписные панели украшали стены: классические, столько раз виденные в музеях сцены — горы, сосновые леса, самураи и хризантемы. Миновав зал, Сакумо свернул в очередной коридор, и Кэрри ничего не оставалось, кроме как пойти следом, рассматривая его плечи и белые, тонкие, сцепленные в замок пальцы.

— У меня обширная библиотека, — вновь заговорил Сакумо. — Интернета тут нет, прости. Как нет связи и телевидения.

— Это ужасно, — протянула Кэрри. — И что мне прикажешь делать?

— Для начала, — он остановился у одной из перегородок, обтянутых матовой бумагой, и отвёл её в сторону, — изучишь быт и особенности жизни в моей резиденции. Эта дверь, — он повёл рукой по деревянному переплёту, — называется сёдзи.

Дождавшись, когда Кэрри войдёт, Сакумо с шелестом закрыл сёдзи и остановился за спиной. В центре комнаты прямо на полу лежал большой матрас, застеленный тёмно-синим покрывалом. Над изголовьем висел какой-то герб с иероглифами на чёрном фоне. По бокам — высокие деревянные светильники с узкими прорезями. У открытого окна — низкий комод из тёмного дерева.

— Это твоя спальня? — удивлённо произнесла Кэрри. Слишком аскетично, даже в пансионате у него было гораздо больше мебели.

— Непривычно? — усмехнулся он на ухо, почти задевая её висок щекой.

— Аскетично. — Кэрри застыла, когда он опустил руки на её плечи, кончиками пальцев коснулся шеи.

— Там, — прошептал Сакумо, качнув головой в сторону одной из сёзди, неотличимой от остальных перегородок, — ванная. Там, — другой кивок, — гардероб. В спальне ничего не должно отвлекать от сна.

— От сна? — слабо спросила Кэрри, прикрывая глаза, когда его пальцы поползли выше, к подбородку, мягко поглаживая, разнося тепло под кожей.

— И не только от сна, — низко пробормотал Сакумо, склоняясь к ней. Кэрри чувствовала твёрдость его тела, стоящего так близко. Слышала дыхание, ещё тщательно контролируемое, но уже начинающее сбиваться с мерного ритма. Его руки медленно спустились к локтям, обвили запястья, выводя круги большими пальцами. Застыв, Кэрри распахнула глаза: перед внутренним взором тут же возник Тони, его безумный взгляд. Пальцы Сакумо, державшие нежно, тут же превратились в кожаные ремни, и сердце увеличилось вдвое, тревожно застучало в груди.

— Кэрри? — тихо позвал Сакумо, заметив перемену. Развернул к себе, вглядываясь в широко распахнутые глаза. — Кэрри, это я.

Она заторможено кивнула, прикусила губу, явно не видя ничего перед собой. Не сознавая, что делает, Сакумо прижал её к себе, коснулся волос, погладил.

— Тебя здесь никто не обидит, — сказал неслышно, чувствуя, как её дрожь. — Никто, пока я рядом.

Глава 3

Кэрри давно затихла, успокоилась, и сейчас боялась пошевелиться — вдруг Сакумо тут же оттолкнёт? Стоять так, прижавшись крепко-крепко, вдыхать лёгкий аромат озона, исходящий от его кожи. Сакумо пах грозой и был похож на грозу: неминуемую, заходящую с края горизонта и грозящую вот-вот накрыть с головой. Открыв глаза, Кэрри смотрела на его ключицы, покрытые едва заметной тонкой сеткой. Тоже шрамы? Сколько их у него? Бог войны наверняка был ранен сотни, а может, тысячи раз, и Кэрри поймала себя на мысли, что хотела бы узнать о нём больше. От ладони, лежавшей на её затылке, было тепло, тонкие пальцы неспешно перебирали волосы, вторая рука на спине непрерывно поглаживала, но больше он не делал никаких попыток к близости. Благодарность, робкая, трепетная, охватила всё существо. Отчего-то хотелось ему верить. Верить, что не даст в обиду, хотя бы в ближайший год. Неловко пошевелившись, Кэрри подняла на него глаза и слабо улыбнулась.

— Спасибо. Не знаю, что на меня нашло.

— Всё в порядке, — сухо ответил Сакумо. Его тонкие губы едва шевелились при разговоре, прямые чёрные пряди упали на лицо, скрывая глаза, оставляя только призрачный тёмный блеск. — Приведи себя в порядок, я пришлю Юми.

Стоило ему отстраниться, и Кэрри тут же стало холодно, несмотря на тёплый ветерок, залетавший в распахнутое окно. Шелест кимоно, и вот лишь запах грозы напоминал о том, что он только что стоял здесь. Сложный. Кэрри вздохнула и подошла к окну. Сакумо был слишком сложным, закрытым и отстранённым, а она к таким не привыкла. В прошлом рядом были беспечные, богатые парни, прожигавшие состояния и собственную жизнь с такой лёгкостью, что захватывало дух. Улыбки, пьяные откровения, пошлые шутки и, частенько, полное отсутствие интеллекта. Вспоминая о них, хотелось скривиться — неужели у неё была настолько занижена планка? В пансионате её окружили другие мужчины — чужие, таинственные, но, по большей части, улыбчивые и доброжелательные. Даже Тони поначалу казался сошедшим с экрана актёром, который на самом деле открытый, добрый и умеющий любить. Теперь она принадлежала Сакумо, чья душа была закрыта на тысячу замков, в глазах не отражалось ни одной эмоции, а голосом порой можно было порезаться. Застывшая во времени красота, за которой так приятно наблюдать со стороны, и которую так страшно видеть рядом день за днём.

— Госпожа? — тихий голос Юми вырвал из размышлений. — Позвольте проводить вас в купальню, всё уже готово.

Кэрри кивнула, подумав, что стоит наладить с этой девушкой контакт, всё же она сейчас единственное живое существо, с которым она может поговорить помимо Сакумо. Да и узнать об обычаях, принятых в этом странном доме, живущем по правилам тысячелетней давности, точно надо.

Ванная комната, или купальня, как назвала её Юми, действительно обнаружилась за одной из перегородок. Точнее, перегородка скрывала узкий коридорчик, ведущий туда. Помещение оказалось не слишком большим, но очень уютным. Пахло, как в сауне, прогретым деревом, влажным ароматным паром. В центре стояла большая круглая деревянная ванна, справа скамейка перед зеркалом, рядом — набор мочалок. Прямоугольное углубление в полу было наполнено прозрачной водой — для того, чтобы смыть пену, как пояснила Юми. Кэрри пыталась найти душ, но его не оказалось, что добавило расстройства к мыслям об отсутствии цивилизации.

Юми помогла снять кимоно и, не обращая внимание на наготу госпожи, усадила на скамейку и тут же разделась сама. Кэрри приподняла бровь, но промолчала, чтобы не выглядеть совсем уж глупой. Видимо, в обязанности слуг входит и помощь с мытьём, интересно, а Сакумо она тоже моет? Ловкими движениями Юми распустила её волосы, потянулась к деревянному

ковшику с длинной ручкой, зачерпнула воды и медленно полила на макушку. Минута, и Кэрри невольно прикрыла глаза, отдаваясь приятным ощущениям. В последний раз голову ей мыла мама, это было лет пятнадцать назад, а может, и больше, и сейчас она буквально перенеслась в детство.

Вскоре волосы начали поскрипывать под чужими пальцами, и Юми помогла подняться и забраться в ванну. Под шею она положила скрученное полотенце и, обернувшись длинной простынёй, вышла, сказав напоследок, что придёт за госпожой позже. Кэрри никогда не любила париться, привыкла принимать душ и редко, крайне редко позволяла себе полежать в ванной — считала это пустой тратой времени. А здесь хотелось расслабиться и не думать ни о чём.

Отдохнувшая, посвежевшая, Кэрри вернулась в спальню спустя полчаса, но Юми, робко улыбнувшись, тут же поманила в новую комнату, две стены которой занимали полки с длинными узкими коробками. У другой стены стояло зеркало в полный рост, перед ним — небольшой столик, заставленный баночками и флаконами, и низкий табурет, на который девушка усадила завёрнутую в простыню Кэрри.

— Какую причёску вам сделать, госпожа?

— Причёску? — Кэрри пожала плечами. Как тут принято ходить? Её волос явно не хватит, чтобы изобразить что-то из фильмов про гейш, да и сама она на искусительницу с цветами в волосах не похожа. — А что любит господин?

— Не знаю, — вздохнула Юми, опустив глаза. — Он никогда не приводил сюда женщин.

— Ты с ним давно?

— Всю жизнь! — Юми ответила так быстро, что Кэрри невольно улыбнулась, разглядев румянец, вспыхнувший на щеках.

— Он тебе нравится?

— Мы все очень любим господина Сакумо, — серьёзно ответила Юми, поймав её взгляд в зеркале. — А значит, любим и госпожу.

— Не надо меня любить просто потому что это чужой выбор. — Кэрри ответила с той же серьёзностью, не сводя глаз с отражения Юми. Стоит ли ей говорить, что через год никакой госпожи в доме не останется? Навряд ли эта информация касается слуг. Хотя они наверняка знают, кто такие сете-паи. — Просто сделай так, как хочешь ты, — она коснулась волос, давая понять, что разговор вновь вернулся к причёске.

На плечи лёг тонкий халат, или, как назвала Юми, юката. Мягкая ткань приятно льнула к телу, и Кэрри невольно подумала, что могла бы ходить в такой юкате целыми днями, вместо жёсткого и не слишком удобного кимоно. Может, поговорить об этом с Сакумо? И спросить, не принято ли здесь носить штаны? Вскоре Юми закончила колдовать с причёской, и Кэрри невольно ахнула — откуда этот пышный валик из волос появился на её голове? Восковые звёздочки небольших живых цветов вились по нему, заканчиваясь цветочной гирляндой, спускавшейся к шее.

— Нравится? — тихо спросила Юми.

— Очень. — Кэрри и правда нравилось. Конечно, ей частенько доводилось бывать на приёмах, в них состояла вся светская жизнь матери, но она никогда не устраивала тематических вечеринок, когда надо было одеваться согласно чужим традициям. Тяжёлый вздох всё же слетел с губ, когда Юми достала одну из коробок с полки. Там оказалось очередное кимоно, которое на этот раз одевалось не на голое тело, а на тонкую юкату, название которой Кэрри категорически не смогла запомнить. Атлас цвета индиго, расшитый серебряными хризантемами, широкий пояс-оби, белоснежный, повязанный сложным узлом — сама Кэрри точно не справилась бы. И на ноги — белые носки.

— А туфли? — Кэрри только сейчас поняла, что все ходят по дому босиком. Дикость какая-то, зачем?

— Обувь мы всегда оставляем за порогом, — строго сказала Юми. — Это неуважение к дому и его хозяину.

— Отлично, — пробормотала Кэрри, выходя из гардеробной. — Надеюсь, я здесь не простыну.

Юми не ответила, но Кэрри успела заметить улыбку, которую девушка быстро спрятала под широкими рукавами светло-серой юкаты.

— Здесь всегда так тихо? — Кэрри чувствовала, как начинают сдавать нервы, когда очередная комната оказалась пустой. Многочисленные сёдзи создавали лабиринт, ведь Кэрри точно помнила, что они с Сакумо добрались до спальни быстро. Значит, перегородки постоянно открывали и закрывали, создавая совершенно новое пространство.

— Тихо? — удивилась Юми. — Но здесь не тихо, госпожа! Вы просто ещё не привыкли. Скоро поймёте, что Замок поёт, причём, постоянно.

«Звуковые галлюцинации входят в программу?» — только и успела подумать Кэрри, когда Юми свернула и уверенно сдвинула сёдзи, склонившись в поклоне. От Кэрри не укрылось, какой взгляд она бросила на Сакумо, стоявшего у дальней стены. Восхищённый, полный слепого обожания. Что ж, определённо стоит подумать, дружить ли с ней или нет, кто знает, насколько сильна её любовь к господину…

Сакумо не спешил оборачиваться. Заложив руки за спину, он стоял у окна и, казалось, вообще не обращал внимание на Кэрри. Не собираясь стоять посреди комнаты, она решительно подошла и покосилась на него: всё то же непроницаемое лицо, чёткий профиль, поджатые губы. Юми шустро накрывала на стол, судя по звукам, к ней присоединились другие слуги, а Кэрри никак не могла придумать, с чего начать разговор. Как же просто было в пансионате! У неё была своя роль, у него — своя, а теперь всё смазалось, размылось, и что прикажете делать? Он не её мужчина, не её выбор, не её любимый. И в то же время не хозяин, а она не его рабыня.

— Сакумо, — наконец заговорила Кэрри, привлекая внимание, — всё в порядке?

— М? — он обернулся с таким видом, будто действительно не слышал, как она подошла. Слишком сильно погрузился в себя. Линн, Тони, то, что он сотворил с Кэрри, злость на случившееся и полная растерянность — как вести себя дальше? Вот что мучило его последние полтора часа. Сам того не подозревая, он привёз вместо послушной девушки ворох проблем, которые потянулись за ней. И Сакумо до сих пор не мог понять, что с ними делать.

— Может, я поужинаю позже? — в голосе Кэрри проскользнуло едва заметное раздражение, которое она попыталась скрыть за улыбкой.

— Ты очень красивая сегодня, — ровно ответил он, поворачиваясь к ней. Его собранные в тугой пучок на затылке волосы отразили свет ламп, по вискам скользнули иссиня-чёрные волны. Сакумо осторожно коснулся цветов, задев кончиками пальцев шею. — Тебе идёт эта одежда.

— Спасибо. — Кэрри невольно вздохнула — теперь поговорить о смене гардероба не удастся. По крайней мере не сейчас. — У нас есть планы на завтра?

— Планы? — Уголок его рта приподнялся. — Есть. Я покажу тебе свою резиденцию, расскажу о жизни здесь и о том, чего от тебя будут ждать окружающие.

— А ты? — тихо, чтобы не услышали слуги, продолжавшие накрывать на стол, спросила Кэрри. — Чего ждёшь от меня ты?

— Не многого, — теперь поднялся и второй уголок, тонкие губы сложились в улыбку, а пальцы прочертили трепетную линию к подбородку. Сейчас Сакумо смотрел на неё без страсти, спокойно, задумчиво. Взгляд неспешно скользил по лицу, изучая, будто видит впервые. Наконец рука опустилась, он отступил и кивнул на стол. Подал пример, первым усаживаясь на плоскую подушку прямо на колени.

— Стульев не будет? — вырвалось у Кэрри. Сакумо усмехнулся и качнул головой. «Отлично. Попробуй просиди в этом адовом кимоно весь вечер ещё и на коленях! Вот где

настоящая пытка и наказание!» Кэрри подавила новый вздох и аккуратно расправила широкие рукава. Хорошо хоть палочками работать умеет, суши всегда были в числе любимых блюд, да и вообще японскую кухню Кэрри ценила.

— Знаешь, — медленно проговорил Сакумо, наблюдая, как она наполняет свою тарелку, — многие считают меня слишком старомодным. Как-нибудь мы посетим соседей, многие давно распрощались с привычной одеждой и традициями, живут так, как сейчас принято на Земле.

— И у них есть интернет? — хитро уточнила Кэрри.

— У некоторых есть всё.

Кэрри огорчённо вздохнула. Ну конечно, именно ей достался самый большой консерватор Зельдара. И что же она такого натворила в прошлой жизни?!

— Я считаю, что мы не должны забывать свои корни. — Сакумо потянулся к небольшой глиняной бутылочке и разлил по пиалам саке. — Мы — боги, забытые собственной паствой, изгнанные из родного дома. Но если откажемся от того, кем мы были, что от нас останется? Бессмертная оболочка без души?

— У вас есть душа? — Кэрри была искренне удивлена. Вообще она никогда особо не придавала значения теологии и всему, что с ней связано.

— Не в привычном тебе смысле. — Сакумо поднял свою пиалу и, когда Кэрри повторила за ним, выпил. — Мы сотканы из природной энергии. Из стихии, чужих желаний и верований, эмоций. Когда вера умирает, стихия остаётся. И чем сильнее она в мире, тем сильнее бог на Зельдаре.

Некоторое время они молчали. Кэрри раздумывала над его словами, продолжая знакомиться с местной кухней, Сакумо наблюдал за ней, ожидая вопроса, который она непременно вот-вот задаст. И Кэрри не разочаровала.

— Сакумо, а ты… сильный бог?

— Хм. — Он опёрся о пол позади себя и слегка откинулся назад. — Чего боялись люди в древности?

— Грозы? Наводнения? Землетрясения?

— И смерти. Как считаешь, боятся ли люди смерти сейчас?

— Конечно! — Кэрри улыбнулась. То ли три пиалы тёплого саке, то ли спокойная, расслабленная атмосфера так повлияли, но сейчас её раздирало любопытство.

— Страх — одна из сильнейших и естественных эмоций. Смерть неизбежна. Война всегда несла смерть, и войны на земле не прекращаются до сих пор. Да, люди перестали молиться богам, но всё ещё просят их, сами того не осознавая. Просят о своей победе, о поражении врага. И каждая их просьба, каждый их страх — это моя сила. А теперь скажи, насколько я силён?

Кэрри склонила голову набок, задумчиво рассматривая его. Нарочито расслабленная поза, тени, застывшие на лице, глубокий взгляд и бледные губы — кажется, дай ему сейчас меч, и каждый примет его за свою смерть или решит, что переборщил, и пора бросать пить.

— Думаю, да, — наконец ответила она.

— Не боишься? — несмотря на небрежность его тона, по спине дружным табуном промчались мурашки. Но Кэрри вскинула подбородок и посмотрела прямо в глаза.

— Нет. А должна?

Он вдруг стремительно поднялся и в одно движение оказался перед ней, Кэрри даже не успела сделать вдох. Протянув ей руку, Сакумо потянул её на себя так быстро, что она с разбегу врезалась в его грудь. Тут же подняла на него глаза и вздрогнула: казалось, на неё смотрит сама тьма. Тени залегли под глазами, хищная улыбка исказила лицо, наделяя нереальной, потусторонней красотой.

— А так? — хрипло прошептал он, резко прижав к себе, обхватив обеими руками за талию.

Кэрри окончательно забыла как дышать, лёгкие слиплись, выпустив последний воздух жалким, придушенным писком. Инстинктивно упёрлась ладонями в грудь, но даже не сделала попытки оттолкнуть — слабость разлилась по телу. И тут же испарилась, оставив противное чувство собственной беспомощности. Нет. Так просто её не напугать. В облике Сакумо не было и тени безумия, искажавшего лицо Тони. Не было похоти и чувства собственного превосходства. Здесь было могущество, дремлющее глубоко внутри, скрытое под внешним равнодушием. Так завораживает ураган, когда ты смотришь на него за мгновение от гибели. И сейчас, глядя в его глаза, Кэрри чувствовала, что уже занесла ногу, чтобы сделать последний шаг и погибнуть. А может, взлететь вверх.

Все эти мысли пронеслись в голове со скоростью света, мгновение, и наваждение рассеялось. Перед ней снова стоял Сакумо, уже привычный, холодный и отстранённый. Только в самой глубине чёрных глаз затихало неземное пламя. Крепко сжимавшие ладони ослабли, скользнули по спине, легли на лопатки. Кэрри наконец вздохнула, словно действительно не дышала всё это время, и перевела взгляд с глаз на тонкие, приоткрытые губы.

— Ты пугаешь меня, — заговорила тихо, — это правда. Но я не боюсь, что ты — могущественный бог. Я боюсь, что ты причинишь мне боль.

Губы Сакумо дёрнулись, горько скривились и тут же превратились в тонкую линию. Крылья тонкого носа затрепетали, он явно пытался заглушить в себе эмоции, что готовы были прорваться сквозь ледяную корку. Но вот выдохнул и приподнял за подбородок, заставляя посмотреть в глаза.

— Я не сторонник телесных наказаний, Кэрри. И, как уже говорил, люблю, когда женщина сама просит о близости. В пансионате у нас не было выбора, но сейчас… — Он склонился к ней, горячее дыхание прошлось от скулы к губам, опалило, вынуждая приоткрыть их. — Сейчас, Кэрри, я подожду. Никаких игрушек, никаких заданий, никакого принуждения. Когда поймёшь, что готова, придёшь сама.

— Почему?.. — только и смогла выдохнуть Кэрри. Жгучее разочарование стало полнейшей неожиданностью. Она была готова сдаться, покориться, ведь в этом не было ничего необычного. Разве подчинение не было главным в пансионате?

— Потому что я выбрал тебя не из-за красоты и опыта. — Он слегка отстранился, одна ладонь потянулась вверх, к затылку, зарылась в волосы. — Если бы мне нужна была покорная кукла, поверь, их были бы сотни, если не тысячи.

— Только не говори, что я особенная. — Кэрри попыталась перевести всё в шутку, но голос слушался с трудом, а сердце отбивало сумасшедший ритм, колотясь под горлом.

— Не знаю, — он тонко усмехнулся, но тут же стал серьёзным. — Я хочу, чтобы нам было хорошо. Обоим. А не только мне. После случившегося с тобой не думаю, что в ближайшее время тебе была бы приятна любая близость.

— Я… не знаю, — честно ответила Кэрри, безуспешно пытаясь успокоить сердце. От нехватки кислорода начинала кружиться голова, и пришлось уцепиться в ворот его кимоно, чтобы устоять на ногах. Лёгкие заполнил густой запах озона, который хотелось пить, широко раскрыв рот. — Но… я бы хотела рискнуть и попробовать.

Глава 4

Взгляд Сакумо потяжелел, на шее запульсировала вена. Шумно выдохнув, он глубоко вдохнул и прижался к её губам.

Не ожидавшая этого Кэрри застыла на миг, но тут же откликнулась, обвила руками шею, приоткрыла губы, позволяя влажным, неистовым поцелуям захватить всё её сознание. Словно не целовалась сто лет, не меньше, словно скучала по нему и ждала именно этих прикосновений. Того, как переплетались их языки, встречаясь и вновь отступая; как жадно шарили по спине его руки, сминая кимоно; как сбивчиво, сладко звучало дыхание, смешиваясь, когда они отрывались друг от друга.

— Ты не сете-паи, — прерывисто прошептал Сакумо, упираясь лбом в её лоб. — Ты ведьма.

Кэрри мягко рассмеялась, чувствуя небывалую силу, свою силу перед этим мужчиной именно в этот момент. Потянулась за новым поцелуем, но Сакумо отпрянул, внезапно отпустил её и тут же переплёл их пальцы и повёл к выходу. Сёдзи тут же распахнулись, слуги склонили головы. Юми дёрнулась было следом, но Сакумо остановил одним коротким, властным жестом, заставляя остаться на месте.

Спальня оказалась гораздо ближе, чем думала Кэрри. Зашелестели, расходясь в стороны, перегородки, и тут же сомкнулись за их спинами. Желтые полосы света лились из прорезей ламп, падая на матрас и расчерчивая пол. Пахло ночными фиалками, нежно, невесомо — кто-то заранее зажёг ароматическую лампу у изголовья. По инерции Кэрри сделала несколько шагов, остановилась, и горячие ладони тут же легли на плечи, спустились к локтям и тут же поднялись обратно. Коротким рывком Сакумо повернул её к себе и снова потянулся к губам, прогоняя все мысли из головы. Кэрри впилась в тугой хвост на его затылке, вслепую нашарила тонкий кожаный ремешок, потянула, развязывая. Сжала его голову в ладонях, запуталась в волосах, не желая отрываться от его губ ни на секунду.

Это была потребность, голая, ничем не обоснованная потребность касаться, делиться теплом и забирать чужое. Почувствовать, что она здесь не одна, что есть кто-то близкий, настоящий. Кто-то, нуждающийся в её близости так же сильно, как она нуждалась в чужой. Этот бесконечный день, безнадёжность, страх и отчаяние — всё разом стало неважным, ведь именно сейчас Кэрри знала, кто она и почему здесь оказалась. Не секс — желание быть нужной, забыться, попытаться свести всё к привычному знаменателю. К тому, что она научилась делать лучше всего за последние несколько месяцев. Если днём Кэрри казалось, что земля уходит у неё из-под ног, а привычное встало с ног на голову, то сейчас она твёрдо стояла на земле, ступила на привычную почву.

Тело с готовностью откликалось на каждое его прикосновение, губы пульсировали, низ живота сжимался, разнося призрачные, многообещающие волны удовольствия. Втянув нижнюю губу, Сакумо провёл по ней языком и тут же отпустил, поцеловал подбородок, прихватывая кожу, шумно выдохнул на ухо. Выпрямился и тряхнул волосами, заставив рассыпаться по плечам иссиня-чёрные пряди.

Потянулся к её макушке и начал небрежно вытаскивать цветы, отбрасывая их на пол. Следом полетели шпильки, и Кэрри слабо застонала и прикрыла глаза, когда он растрепал пряди и мягко помассировал корни. Большие пальцы коснулись висков, заставляя посмотреть на него. Кэрри подчинилась, потянулась к нему, положила ладонь на грудь, чувствуя стук его сильного сердца. Зашелестела одежда, пояса одновременно скользнули вниз, следом — верхние, а затем нижние кимоно. Сакумо сделал шаг, опуская её на матрас, рассыпал ворох коротких обжигающих поцелуев по ключицам, шее, груди, снимая бюстгальтер. Обхватил острый сосок губами, нежно обвёл ореолу языком, пропустил второй сосок меж пальцев. Горячая,

опаляющая страсть утихла, словно пламя прикрыли колпаком. Теперь движения Сакумо были осторожными, неспешными. Кэрри тяжело дышала, сквозь ресницы наблюдая за ним. За тем, как напрягаются мышцы на плечах и предплечьях, как выступают вены, когда он опирается на руки, нависая над ней.

Хотелось очертить каждую их них, изучить каждый тонкий шрам, белоснежные полосы, пересекающие грудь, тонкую сетку порезов, уходящих под боксеры. Кэрри понимала, что им совершенно некуда спешить, но её вдруг охватил страх, что сейчас всё закончится. Что Сакумо превратится в того, другого, и она вновь станет беспомощной игрушкой, связанной, униженной, одурманенной. Страх поднялся так резко, что горло сжалось, а спина выгнулась до хруста. Кэрри одеревенела, задышала часто-часто, ничего не видя перед собой. Миг, и тяжесть чужого тела исчезла, а следом пришло тепло.

Сакумо завернул её в одеяло, как в кокон, обвил руками и ногами, прижимая к груди. Его дыхание, всё ещё тяжелое, шумное, шевелило волосы на макушке, а сердце стучало так громко, что Кэрри с лёгкостью слышала этот звук.

— Прости. — прошептала сдавленно. — Я… я сейчас приду в себя. Прости.

Он только вздохнул, крепче прижал к себе. Какие тут можно было подобрать слова? Брать женщину силой не входило в список его предпочтений, пользоваться кремами-стимуляторами тоже. Он не зря выбрал более старшие курсы, предпочитая девушек, отошедших от шока и полностью принявших свою судьбу. Покорившихся, покорных и отзывчиво реагирующих. Кэрри стала такой к их первой встрече, но при этом не потеряла характер и исправно показывала его. Сейчас она была прежней с виду, но что-то сломалось. И злость на Тони всколыхнулась с новой силой. К ней примешивалась болезненная неудовлетворённость, кровь, пульсирующая в паху. Стройное, горячее тело, прижимавшееся к нему, сводило с ума, и Сакумо с лёгкостью мог сломить любое сопротивление, где лаской, где силой. Она бы сдалась, но что было бы потом?

Наконец Кэрри заворочалась, подняла голову, поцеловала скулу. Тонкие пальцы потянулись вверх, обвели контур губ.

— Я не хочу, чтобы всё начиналось так, — прошептала она и вдруг нырнула второй ладонью под одеяло. Накрыла его член, провела по нему сверху-вниз сквозь ткань боксеров. Сакумо усмехнулся про себя — несмотря на приверженность к традициям, отказываться от удобного земного белья он не желал. Хорошо, что никто и никогда не пытался заглянуть под кимоно и узнать, что именно под ним надето.

— Кэрри, — он невольно скрипнул зубами, когда она скользнула под резинку и обхватила его ладонью. Хитро улыбнувшись, Кэрри отбросила одеяло и села в его ногах, избавляя его от лишней одежды. Мягко толкнула колени, заставляя развести их в стороны, и склонилась над ним, плавно вбирая влажными губами головку. Сакумо с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и взмахнул рукой, не решаясь положить на её затылок. Кэрри мягко вобрала в себя член, упёрлась губами в гладкий лобок, обхватила мошонку рукой, принимаясь мягко её массировать. Подняла голову, влажно причмокнула и крепко обхватила основание, натягивая кожу. Вновь обвела головку, довольно замычала, чувствуя, как проступают бугорки. Сакумо тяжело задышал, не в силах отвести от неё глаза, глядя, как её голова опускается и поднимается, постепенно ускоряя движения. Под кожей вспыхнуло пламя, превращая кровь в густую лаву. В позвоночнике собиралось тепло, желание толкаться глубже, резче ярко вспыхивало в висках, а когда Кэрри глухо застонала, удерживая его член глубоко внутри, он коротко выругался, наматывая волосы на кулак и начиная двигать бёдрами. Кэрри быстро поймала его ритм, скользя губами, руками, слабо постанывая. Её задорно приподнятый зад, обтянутый чёрными шёлковыми трусиками, так и манил сжать в руке, притянуть к себе. Сакумо представил, как он укладывает её на спину, разводит ноги и плавно входит, начинает двигаться. Как она извивается под ним, бессвязно шепчет что-то, оплетает руками. Как колышется грудь в такт его

толчкам, а зрачки расширяются заполняя радужку. Как она выстанывает его имя, а он… Изогнувшись, Сакумо протяжно застонал и застыл, выплёскивая скопившееся желание.

Кэрри положила голову на его бедро, нежно поглаживая живот, невесомо касаясь старых шрамов. Потом глубоко вздохнула и, подтянувшись на руках, легла рядом. Сакумо тут же коснулся её щеки, склонился и нежно поцеловал.

— В следующий раз всё будет по-другому, — прошептала она, смутившись.

— По-другому? — Сакумо сделал вид, что разочарован. Кэрри тихо рассмеялась — удивительно, но в постели он совершенно не казался отстранённым и холодным. Напротив, с готовностью делился своим теплом, и это подкупало. Кэрри вдруг вспомнила, как он ушёл почти сразу после того, как они переспали. Как ждал, одетый, равнодушный, в кабинете, пока она проснётся и приведёт себя в порядок. Сейчас Сакумо никуда не спешил. Подтянул к себе, обнял одной рукой и накрыл одеялом.

— Сакумо, — через несколько минут тихо позвала она, — а почему мы спим на полу?

— Мы спим на футоне, — усмехнулся он. — Вообще их обычно сворачивают, чтобы места в доме было больше. Но у меня его достаточно, так что… Ты хочешь кровать?

— Если честно, мне кажется, что позвоночник к утру осыплется под ноги. — Кэрри поёрзала на жёстком матрасе.

— Думаю, какое-то время я смогу потерпеть обычную кровать, — вздохнул Сакумо, возвращая с небес на землю. Какое-то время. А потом она останется одна. Не желая показывать свой страх, Кэрри только крепче обняла его и закрыла глаза. Год — это очень долго, и всё ещё может измениться.

Когда Кэрри проснулась, Сакумо уже ушёл, его подушка давно остыла, а лёгкий запах озона практически полностью растворился в утреннем воздухе. Глубоко вздохнув, Кэрри раскинула руки и прикрыла глаза: тихо. Здесь всегда было тихо, на нервы действовало неимоверно. Но вот прошла секунда, другая, и тишина наполнилась еле слышным журчанием и плеском. Хрустальный звон дробящихся о камни капель показался оглушительным. Кэрри села, машинально отметила, что вещи, разбросанные по комнате, исчезли, а у изножья лежит свежая синяя юката. Надев её, Кэрри подошла к окну и сделала глубокий вдох — от красоты перехватило дух. Окно спальни выходило на гору. Одинокая снежная вершина чётко вырисовывалась на ярко-голубом небе, её корни терялись в густом зелёном ковре.

— Госпожа, — Юми как всегда незаметно оказалась за спиной. — Когда накрывать завтрак?

— А где Сакумо? — не оборачиваясь, спросила Кэрри.

— Просил завтракать без него, сказал, что вернётся к вечеру.

«Перед слугами отчитался, а мне ничего не сказал», — подумалось с лёгкой горчинкой.

После завтрака Кэрри заскучала. Заняться здесь действительно было нечем, поговорить не с кем, а библиотека, хоть и была огромной, не вызвала энтузиазма. Кэрри чувствовала, что оказалась в вакууме, и вокруг только пустота, застывшая красота и одиночество. Поэтому, когда объявили о приезде госпожи Линн, она встрепенулась: хоть какое-то развлечение! Выйдя в сад, она остановилась у бамбукового фонтана, рассеянно слушая мягкий перестук, с которым он сбрасывает воду.

Кэрри всё ещё не могла определиться, как относиться к жене Сакумо. Судя по его вчерашней реакции, отношения у них были натянутыми, но неизвестно, как долго и почему. Может, они поругались недавно и теперь она ищет способ помириться? Ведь если бы это было не так, брак давно был бы расторгнут. Раз Сакумо не пошёл на это, значит, что-то чувствовал к жене. А может — и эта мысль прошибла ледяным потом — он специально привёз её сюда, чтобы вызвать ревность жены? Ведь не зря так подчёркивает, что вместе они будут только год. Но при этом Сакумо был с ней нежен, подчёркнуто вежлив и предупредителен. Кэрри прику-

сила губу — а что, если эта предупредительность и желание дать ей свободу как раз происходят от того, что он не хочет слишком привязываться? И как вообще поговорить о Линн и их отношениях?

Задумавшись, Кэрри не расслышала чужие шаги и вздрогнула, когда мелодичный, но высокомерный голос прозвучал буквально за спиной.

— Смотрю, в тебе нет ни малейшего почтения к своей госпоже, дорогая. Вчера я тебя простила, но сегодня… Сакумо ещё не обучил тебя манерам?

Кэрри стиснула челюсти и, спрятав руки в широких рукавах юкаты, сверкнула глазами. Пусть она жена, но пока сам Сакумо не обозначил чёткие рамки общения с ней, Кэрри пресмыкаться не собирается. И не таких обламывала. Медленно обернувшись, она смерила Линн холодным равнодушным взглядом и приподняла бровь.

— Не слышала, как вы пришли. Чем могу помочь?

— Помочь? Мне? — Линн звонко рассмеялась. — Надо же, и дня не прошло, а ты уже вообразила себя главной. Дорогая моя, не тешь себя мечтами, Сакумо не тот мужчина, что легко поддаётся женским чарам.

Сегодня на ней было длинное бирюзовое платье с разрезами до бёдер, округлые плечи были открыты, а грудь приподнимал тугой бархатный корсет. Золотые волосы, перехваченные белыми лентами с жемчугом, мерцали в солнечном свете. Линн была прекрасна и отлично знала это.

— Поэтому вы так много внимания уделили своему наряду? — насмешливо спросила Кэрри, демонстративно рассматривая её грудь.

— Удачная попытка, но мимо. Я одеваюсь для себя, а не для мужчин. А вот ты, как я погляжу, во всём следуешь унылому вкусу Сакумо.

Кэрри невольно вспыхнула. Да, одежда одним своим видом вызывала протест, но сейчас ей отчего-то стало обидно за Сакумо. Вспомнились его слова о желании сохранить хоть что-то от себя прежнего. Относились ли они и к Линн?

— Я уважаю его стремление следовать традициям. — Кэрри забросила пробный камень и тут же была вознаграждена беспечным ответом:

— Глупости! Если бы я им следовала, до сих пор ходила бы в унылых тогах и носила золотой венец. Что может быть скучнее, чем завязнуть в прошлом и постоянно перебирать его в памяти? Я иду вперёд, постоянно двигаюсь, а Сакумо живёт сожалениями и несбывшимися мечтами.

— Но вы почему-то здесь, с ним, — осторожно заметила Кэрри.

— Я не с ним! — резко бросила Линн, но быстро спохватилась, натянула улыбку и мягко потрепала Кэрри за щеку. — Дорогая, я не с ним, но могу быть с ним, когда только пожелаю. Как я уже говорила, его сердце принадлежит мне. Точнее, осколки от него, но поверь, всё это время я их хранила и смогу склеить в любой момент.

— Вчера это было особенно заметно. — Кэрри пожала плечами и отвернулась. Сердце стучало так, будто она только что пробежала стометровку. Линн умело выводила из себя, но ведь она понятия не имела, какие на самом деле отношения у неё с Сакумо! Что, если сыграть на этом? — Впрочем, судя по рассказам Сакумо, ты не самая лучшая жена.

— Значит, он уже поделился подробностями нашего брака? — голос Линн понизился лишь на тон, но Кэрри прекрасно расслышала угрозу в обманчивой мягкости. Слишком завираться не хотелось, кто знает, как к этому отнесётся Сакумо, когда узнает о разговоре. Поэтому Кэрри решила не отвечать, лишь таинственно пожала плечами и коснулась прозрачной струи фонтана, стекавшей из бамбуковой трубки.

— Послушай меня, — Линн резко схватила Кэрри за плечо и развернула к себе, — я таких девок за всю жизнь тысячи перевидала. И все они надеялись, что станут кем-то, а в итоге греют постель тысячелетним извращенцам. Не думай, что ты — особенная!

— И всё же я первая, кого Сакумо привёл в этот дом, — ласково улыбнулась Кэрри, освобождаясь из её хватки. — Кто знает, может, в этот раз в вашем правиле появилось исключение.

Линн захлопнула рот с громким стуком и прищурилась, будто увидела Кэрри впервые. Потом хищно оскалилась и вдруг звонко расхохоталась.

— А ты забавная зверушка! Думаешь, что можешь кусаться, но на деле — только тявкать. Считаешь себя лучше других? Тем больнее будет падать.

Смерив Кэрри насмешливым взглядом, она покачала головой.

— Знаешь, а это будет даже забавно, — протянула задумчиво. — Да, отличный повод развлечься.

Не добавив ни слова, Линн развернулась и плавной походкой направилась к выходу из сада. С возрастающей тревогой Кэрри следила за ней, пока Линн не скрылась из виду. Отчего-то в груди поселилось стойкое ощущение, что она дразнит спящего дракона, который, проснувшись, спалит всё дотла, и в первую очередь — её.

Глава 5

Посмеиваясь, Линн покинула Замок поющей воды и, оказавшись за пределами барьера, переместилась к себе. Жемчужный рассвет, её резиденция, стоял на высоком утёсе прямо над лазурным морем. Белоснежные колонны подпирали треугольную крышу, по просторным, открытым покоям скользил морской бриз, приподнимая невесомые занавески. Линн любила свой дом, но были в нём несколько комнат, которые явно выбивались из общего стиля. Здесь были и современные угловые диваны, обитые плюшем, и барная стойка из светлого дерева. Холодильник, большой телевизор, по которому постоянно крутили местные и земные новости, телефон — Линн по праву гордилась своим «земным» уголком. Так ей казалось, что она всё ещё там, не забытая, а всеми любимая и почитаемая.

Промчавшись сквозь наполненные светом беломраморные покои, она хлопнула дверью и, подлетев к бару, плеснула белого вина в бокал. Залпом осушила и покосилась на телевизор, включившийся при её появлении.

«… уже неделю как будоражит Зельдар. Неужели Сакумо решил покончить с образом вечного отшельника и вернуться в свет? И кто же та таинственная девушка, что смогла покорить нашего мрачного бога войны?..»

Раздражённо выключив звук, Линн скривилась, прихватила бутылку и упала на диван. Сакумо давно не вызывал в её душе ни малейшего отклика. Когда-то она прельстилась его красотой и аурой грозного, не знающего пощады воителя. И каково же было разочарование легкомысленной богини юности, когда вместо воина она получила влюблённого мальчишку, готового на всё ради одной улыбки? Поначалу это льстило, потом начало раздражать, а после и вовсе вызывать злость. Линн намеренно грубила, капризничала и оскорбляла, а он терпел. Тогда она заскучала. Представив, что придётся провести вечность с этим унылым, влюблённым мужчиной, хотелось выть. Впрочем, развлечений всегда хватало даже не Земле, кто же знал, что Сакумо такой собственник? Линн не считала измену чем-то ужасным, тем более среди богов, но когда Сакумо внезапно показал свой характер и выставил за дверь, это даже возбудило. Ненадолго.

Они расстались, и на годы Линн и думать забыла о его существовании, кто же знал, что он превратится в самого беспощадного из всех богов войны в Пантеоне? Она даже пару раз пыталась намекнуть, что неплохо бы попробовать вновь жить вместе, но Сакумо дал понять, что их брак в прошлом. Линн не расстроилась, к тому же, впереди маячило переселение на Зельдар, а значит, новые знакомства и увлечения. А после Сакумо и Сет основали этот свой пансионат и вовсе исчезли. Но теперь какая-то дерзкая, наглая смертная вообразила, что сможет занять её, Линн, место! От одной только мысли о том, как над ней теперь будут смеяться, хотелось кричать. Конечно, она, одна из прекраснейших богинь, проиграла нахальной девчонке! Сакумо вдруг показался необычайно привлекательным, а его репутация, чёрным плащом тянувшаяся за спиной, вызывала неконтролируемую дрожь предвкушения. Да, Сакумо вырос, возмужал и изменился. Пожалуй, именно сейчас он стал тем мужчиной, которого она хотела видеть с самого начала.

Вчера, увидев его впервые за долгое время, Линн с затаённой гордостью подумала о том, что её муж прекрасен. Холоден, надменен и просто сшибает с ног своей недоступностью. Хорошо бы заполучить его обратно, к тому же, слухи о том пансионате ходили самые разнообразные, а с девицами, которые выпускались оттуда и оказывались на Зельдаре, Линн удалось пообщаться, и не раз. Порой очень тесно пообщаться. И все они, как одна, говорили, что Сакумо — один из самых таинственных и вместе с тем желанных профессоров. Возможно, он и опыта успел набраться. Да, определённо, пора вернуться домой и занять законное место рядом с мужем. А уйти она всегда успеет. Но для начала стоит разузнать об этой девице как можно

больше. Сет навряд ли будет болтать, всё-таки они с Сакумо друзья. А вот Тони, который, по слухам, тоже недавно вернулся на Зельдар, вполне подойдёт.

Линн помнила, как он смотрел на неё на приёмах. Этот жадный интерес не спутаешь ни с чем. Да и вдобавок вполне привлекателен: такие бирюзовые глаза ещё поискать надо! Осталось разузнать, где он живёт, и нанести визит. Кто знает, что интересного он сможет рассказать, если расспросить с пристрастием?.. Хищно улыбнувшись, Линн вытянула длинные ноги и задумчиво посмотрела на аккуратные пальчики. Мужчин, которые могли ей отказать, на Зельдаре почти не водилось. Да что там, только Сакумо и несносный Сет, который открыто высмеивал её попытки флиртовать и постоянно выставлял дурой. К Тони и подход искать не придётся. Задумчиво постучав кончиками пальцев по губам, Линн потянулась к телефону — главная сплетница Зеьлдара, Дита, наверняка в курсе, где сейчас Тони.

Дита появилась в Жемчужном рассвете спустя полчаса и бутылку вина, которую успела приговорить Линн. Прежде они были непримиримыми соперницами за людские сердца, теперь вспоминали о былой вражде с ностальгическими улыбками, ведь здесь великие богини были равны. Стройная, гибкая, с хитрым блеском больших серых глаз, Дита с лёгкостью находила общий язык с любым богом, играя образ сладкой дурочки с таким упоением, что Линн порой невольно завидовала. Никто и никогда не воспринимал Диту в серьёз, поэтому ей выбалтывали любые секреты, которые потом странным образом расползались по Зельдару.

— Так и знала, что ты захочешь поговорить! Милая, Сакумо всех поставил на уши, это такой фурор! Ты уже видела её? Что она из себя представляет?

— Ничего особенного. — Линн взмахнула рукой и слегка покачнулась, направляясь к бару и доставая новую бутылку вина. — Обычная смертная, симпатичная, ничего примечательного. — Не удержалась и зло добавила: — Понятия не имею, что он в ней нашёл!

— Я, кстати, видела Сакумо на днях в Пантеоне. Знаешь, если бы он так активно не отгораживался от светской жизни, давно покорил бы сердца всех свободных, да и не свободных тоже, женщин! Ладно, что уж греха таить, я бы сама с охотой покувыркалась бы с ним. Если ты не против, конечно, — Дита с насмешкой покосилась на Линн, разливавшую вино по бокалам. Конечно, одобрение ей не требовалось, все прекрасно знали, в каких отношениях состоять Линн и Сакумо. Но правила приличия никто не отменял.

— Мне всё равно, — равнодушно пожала плечами Линн, подумав, что гораздо проще отнеслась бы к интрижкам с любой из богинь, чем к тому, что он приволок из мира смертных эту серую мышку.

— Когда он избавится от своей девчушки, обязательно воспользуюсь твоим разрешением. — Дита хищно улыбнулась и облизнула пухлые губы. — Кстати, слышала, ходят слухи, что из-за неё Сакумо разругался с Тони. Помнишь, тот милый юный бог азарта, из последних. Он на Зельдаре лет триста всего, если мне память не изменяет.

— Да, что-то припоминаю. — Линн старалась ничем не выдать свою заинтересованность, прекрасно зная: стоит дать понять Дите, что информация важна, придётся платить за услугу.

— Так вот, — Дита сделала глоток, одобрительно кивнула и придвинулась ближе, — говорят, Тони хотел забрать её себе. А Сакумо разозлился, кажется, он тоже имел на неё планы. В итоге Сакумо либо выгнал его из пансионата и лишил силы, потому что Тони её похитил, либо сам похитил её у Тони, а выгнал его уже Коннор, потому что они друзья. В общем, история тёмная, но я всё узнаю.

— Надо же, какие страсти, — криво усмехнулась Линн. — А по её виду и не скажешь.

— Ну, она ж сете-паи, ты ведь в курсе, да?

— Что?

Линн резко выпрямилась, распахнув глаза. Это меняло дело. Не в корне, конечно, но означало, что девушка точно останется на Зельдаре, это раз, и станет бессмертной, точнее, уже

стала, когда появилась здесь, это два. И был третий пункт — она получит силу. Немного, по сравнению с истинными богами, но достаточную, потому что её хозяин — Сакумо.

— Ты не знала, — промурлыкала Дита, наслаждаясь её замешательством.

— Нет, — признала Линн — что толку оправдываться, если уже прокололась. — Хотя теперь хотя бы понятно, почему она здесь. Хотя по-прежнему непонятно, почему именно Сакумо выбрал её.

— Думаю, об этом надо расспросить Тони, он точно в курсе всего. — Дита подмигнула, и настроение Линн тут же поползло вверх. Да, подруга сама пришла к тому, ради чего её сюда позвали.

— Ты знаешь, где он?

— Думаю, где-то в Каменистых холмах. Насколько я помню, его резиденция находится там, он ведь переселился одним из последних, все хорошие места уже заняты. А лучшие из незанятых принадлежат индийскому пантеону. Но ты сама знаешь — они вообще неизвестно когда тут появятся.

— Каменистые холмы. — Линн передернула плечиком. — Не люблю это место. Сыро, уныло и скучно.

— Но информация превыше всего! — подняла палец вверх Дита. — Что ж, одеваемся теплее и вперёд, за подробностями!

Каменистые холмы не зря носили такое название: на много километров, докуда дотягивался глаз, тянулась унылая пустошь, усеянная округлыми, обточенными ветром и дождём обломками, на которых рос низкий жесткий кустарник, цепляясь за жизнь крепкими корнями. Кое-где попадались низкорослые пролески, деревья в них переплетались ветвями так плотно, чтобы их не вырвало с корнем при первом же урагане. Порой тут было даже красиво: дикая, почти первобытная прелесть природы, с ледяными звонкими ручьями, серыми, в цвет неба. Замок, тулившийся к единственной на пустоши скале, был едва заметен среди окружающей мрачности. Дита и Линн появились у ворот и поёжились — несмотря на плотные шерстяные плащи, холод пробирал до костей.

— И правда, мелкий божок, — проворчала Дита, оглядваясь. — Странно, а в Пантеоне он всегда такой щёголь, в своих фраках восемнадцатого века. Люблю этот стиль.

— Вот ему и достался замок оттуда же, — хмыкнула Линн. — Вероятно, ему поклонялся какой-нибудь горец в Шотландии или Ирландии.

— Ну, судя по тому, что Тони здесь, поклонялись ему долго. Ладно, что рассуждать, пойдём, я уже до костей продрогла.

Пустынный холл встретил тишиной и запахом сырости. Массивная каменная лестница уводила на второй этаж, немного потёртый, но в целом элегантный ковёр скрывал ступени.

— Тони! — звонко крикнула Дита, и её голос отразился от цветных витражей и стен. — Это Дита и Линн! Ты дома?

Дальняя дверь, почти подпирающая потолок, со скрипом отворилась, и навстречу вышел высушенный, но не лишённый достоинства мужчина в бордовой ливрее.

— Господин примет вас в кабинете, — чопорно сказал он и с поклоном распахнул дверь шире.

— Какие церемонии, — фыркнула Линн, вспомнив сонм своих слуг и залитый солнцем дворец.

В кабинете было тепло, шумно трещал большой, во всю стену, камин, высокие кожаные кресла, придвинутые к огню, так и манили в них опуститься.

— Ну надо же, — Тони появился спустя минуту, богини даже не успели согреться, — какая честь, сами богини любви, красоты и юности пожаловали. Чем обязан?

— Думаю, ты знаешь, — промурлыкала Линн, томно изогнувшись, позволяя плащу спуститься с плеча. — Хотим расспросить тебя о сете-паи, которую привёз Сакумо.

— Боишься, что она отберёт твоего мужа? — усмехнулся Тони, плеснул в стакан виски и посмотрел на них. — Могу предложить вам что-нибудь выпить?

— Вина, пожалуй, — милостиво согласилась Дита.

Линн молча кивнула, присматриваясь к Тони. Высокий, мускулистый, с широкими плечами и крепкой шеей — полная противоположность худощавому Сакумо. Волосы тёмные, а глаза, как и осталось в её памяти, пронзительно голубые, васильковые. Только холодные. Под правым глазом небольшая родинка, так и приковывает взгляд. Да, Тони был хорош и отлично знал, как привлекателен в белой рубашке, расстёгнутой на две пуговицы. Закатанные по локоть рукава обнажали загорелые руки, длинные пальцы приковывали взгляд. Линн улыбнулась про себя — желание вернуться к мужу не означает её верности и наличия каких-либо чувств. А этот жеребчик ещё не разу не побывал в её стойле. Так почему бы не совместить приятное с полезным?.. Осталось только выпроводить Диту, свою функцию она уже выполнила.

Плавно поднявшись, Линн оставила плащ в кресле и, улыбаясь, подошла к Тони. Потянулась к бокалу и ненароком коснулась его пальцев, проведя от костяшек к самым кончикам. Склонила глаза к вину, но тут же стрельнула сквозь ресницы, пряча улыбку в бокале.

— Я не боюсь, что она уведёт Сакумо, — бархатным, нежным голосом проворковала Линн. — Мне, откровенно говоря, плевать на его жизнь и предпочтения. Плевать уже много, много лет. Но, — она сделала паузу и взяла второй бокал для Диты, — никто ведь не отменял простой женский интерес, правда?

— Женский интерес? — Тони усмехнулся, впервые получив возможность разглядеть её так близко: до этого мог лишь наблюдать издалека, боясь подойти, чтобы не быть осмеянным. Янтарный блеск глаз, золотые локоны, даже с виду мягкие, упругая грудь — глубокий вырез декольте почти целомудренно прикрывает прозрачная газовая ткань. Линн не была сексуальна, она просто была сексом во всех его проявлениях. Её тонкий пальчик обвёл край бокала по кругу, соскользнул в вино. Поднеся палец к губам, Линн облизнула его, втянула в рот и прикрыла глаза.

— Просто представь себя на моём месте. Если бы за тысячу лет твоя жена ни разу ни с кем не была, неужели ты бы не захотел узнать, что за мужчина вдруг появился в её доме?

— Сакумо не монах, Линн, — тихо рассмеялся Тони. — Или ты забыла, где он провёл последние триста лет?

— Это другое, — Линн снова пожала плечом и отвернулась, направляясь к Дите. Взгляд Тони невольно прошёлся от её обнажённой шеи по спине, задержался на округлых бёдрах. Удивить красотой его было сложно, но в Линн жило что-то ещё, что-то необузданное, дикое, то, что будило голую похоть. Перед глазами вспыхнула Кэрри: беспомощная, принадлежавшая только ему, и между ног тут же стало жарко. Да, Линн определённо могла дать больше, но Кэрри он всё же заберёт. И кто знает, может, Линн ему в этом поможет?..

— Так кто она? — недовольно напомнила о себе Дита, демонстративно поморщив нос — ей было холодно, а флирт Линн вызывал скуку.

— Забавная. — Тони задумчиво улыбнулся. — С характером, в меру дерзкая. И горячая.

— Будто кого-то можно этим удивить, — хмыкнула Линн и залпом осушила бокал.

— Нельзя, — согласился Тони. — И, поверь, у нас таких достаточно. Но сете-паи особенные, тебе ли не знать.

— Для меня ничего особенного, — зевнула Дита. — Это что, всё, что ты можешь нам о ней рассказать?

— Думаю, тебе надо увидеть её лично. Больше мне добавить нечего.

— Тогда, Линн, давай вернёмся. Тут так холодно… и сегодня в Пантеоне обещали шоу дриад.

— Возвращайся одна, — улыбнулась Линн, радуясь, что так быстро отделалась от Диты. У той и вопросов не возникнет, почему она решила остаться — и так всё понятно. Но Линн чувствовала: Тони так же не хочет откровенничать перед Дитой, но готов открыться ей.

— Как скажешь, — Дита поднялась и поправила плащ. Хитро подмигнула: — Не буду вам мешать.

— Значит, тебе всё равно? — насмешливо уточнил Тони, когда они остались одни. Подхватив бутылку, он подошёл к сидящей в кресле Линн и опустился на подлокотник, нависая над ней.

— А что, незаметно? — она протянула бокал, не протестуя против того, что вместо вина в него полилось виски.

— Думаю, ты вне себя от злости. — Тони улыбнулся, наполнил свой стакан и поставил бутылку на пол. Положил свободную руку на спинку кресла над головой Линн и склонился к ней, обдавая тёплым дыханием щёку. Стекло с тихим звоном соприкоснулось, лёгкие заполнил цветочный аромат, исходящий от её тела.

— Ты прав, — Линн вдруг поняла, что перед ним лучше держать карты раскрытыми, но не до конца, сохранив в рукаве пару козырей. — Я хочу выгнать эту шваль из своего дома. Говорят, ты хочешь забрать её? Забирай, я помогу.

— Даже так? — Тони допил виски, отставил стакан и вдруг положил ладон на её грудь, поглаживая кончиками пальцев выступающие полушария и осторожно сдвигая в стороны тонкую ткань. — Откуда такая щедрость?

— Ты ведь хочешь её, — прошептала Линн, откидывая голову на спинку кресла и прикрывая глаза. — Думаю, ты тоже сейчас в ярости, Тони.

Его рука задержалась у края декольте и свободно нырнула под ткань, высвободила груди, сначала одну, затем вторую.

— Не представляешь, в какой, — прошептал он, обводя сосок большим пальцем. Вдруг его пальцы сжались на нежной коже, больно оттянули, и Линн тут же распахнула глаза. Но вместо возмущения, её зрачки расширились, а дыхание участилось.

— Думаю, мы сможем найти выход нашей ярости, — ответила она, поворачиваясь и кладя ладонь на его пах. Пальцы плотно обхватили начинающий твердеть член. Линн сделала глоток, облизнула губы и завозилась с ремнём его брюк, но Тони вдруг накрыл её руку и хищно улыбнулся.

— Лучше поднимемся в спальню, там удобнее. И, — он рывком поднял её, склонился к уху, — гораздо больше способов выместить злость.

Линн выгнулась, обнажённые соски потёрлись о его рубашку, тело пронзило предвкушение. Давно никто её не удивлял, может, сейчас её ждёт что-то на самом деле интересное?

Глава 6

Бесцельно бродя по дому, Кэрри почти не обращала внимание на окружающую красоту и строгость. Ничего лишнего, ровные геометрические линии, орхидеи в высоких вазах, запах воска, которым натирают полы, и едва заметный аромат благовоний — всё больше складывалось впечатление, что она в музее, а не в жилом доме. Кэрри пыталась представить, смогла бы она чувствовать себя по-настоящему своей, смогла бы привыкнуть к тишине, застывшей красоте и неумолчному шуму водопадов, звенящих где-то в зелёных зарослях? Здесь всё было чужим, и Кэрри чувствовала себя рыбкой, которую забрали из разноцветного кораллового рифа и посадили в пустой аквариум. Тоска усугублялась словами Линн, её открытым желанием вернуться к мужу и угрозами, завуалированными, но достаточно прозрачными, чтобы можно было просто так от них отмахнуться. С каким удовольствием Кэрри вернулась бы сейчас в пансионат! Пусть лучше уроки с Коксом и Коннором, чем сидеть здесь, глядя на идеальные линии сада, смотреть на то, как резвятся красные карпы в прозрачном ручье и чувствовать себя невероятно одинокой.

— Госпожа, может, вы желаете чем-нибудь заняться? Могу предложить вышивание, рисование, может, вы играете на каких-нибудь инструментах?

Вышивка и рисование, отлично. Это же просто мечта любой современной девушки, ещё бы почитать предложили! Кэрри подавила раздражённый вдох, подумав, что такими темпами она очень скоро превратится в призрак самой себя, унылый и молчаливый.

— Скажи, а почему госпожа не живёт здесь?

Юми смутилась, раздумывая, как ответить. Господин не запретил говорить о ней, но он вообще не ограничил тему общения с этой девушкой.

— Она не живёт с господином уже много лет, — осторожно заговорила Юми. — Когда-то давно они действительно были вместе, но их разрыв произошёл задолго до моего рождения. Простите, госпожа, но я не имею права повторять слухи, потому что не знаю, где в них правда, а где нет.

Но Кэрри этого было достаточно: значит, она верно угадала, когда поняла, что Линн хочет вернуться сюда, потому что привыкла считать Сакумо своей собственностью. И значит, он не хотел её вернуть посредством Кэрри. От этого на душе стало значительно легче, а ещё затрепетало что-то невесомое, воздушное: тогда по какой же причине он выбрал её? Если действительно никогда не приводил женщин, кроме Линн, в свой дом? Значит ли это, что она особенная, или же ему просто наскучило собственное одиночество, а Кэрри подвернулась под руку в удобный момент? Что-то подсказывало, что в ближайшее время Сакумо явно не станет обсуждать с ней причины. Но ей отчаянно хотелось докопаться до истины и попытаться узнать его получше.

— Юми, а в доме есть изображения господина из тех времён, когда он ещё жил на Земле?

— Конечно. — Юми поспешно кивнула, радуясь, что расспросов про Линн больше не было. — Я провожу вас. Правда, господин редко вспоминает о том времени. Наверное, ему больно об этом думать.

Если бы я была могущественным богом, а потом пришла в забвение, мне тоже было бы тяжело и больно вспоминать, — невольно подумала Кэрри, шагая за служанкой. Они прошли через внутренний двор, миновали сад и оказались на берегу озера, появившегося так внезапно, что Кэрри не смогла сдержать удивлённый вздох. Ровная гладь была покрыта крупными розовыми лотосами, и к центру озера уходил длинный мостик с резными перилами, заканчивавшийся беседкой с закруглённой крышей. Видно было, как трепещут белоснежные полотнища, скрывавшие внутреннее убранство беседки. Кэрри отчаянно захотелось оказаться там, но сей-

час она послушно прошла за Юми к стене из зелёного, сочного бамбука, за которой угадывались очертания очередного дома.

Мощённая крупными гладкими камнями дорога вела прямо к нему, и вскоре зелень расступилась, открывая вид на строение, больше напоминавшее старинный храм. Дерево, из которого он был построен, потемнело от времени. Вдоль дороги, ведшей к ступеням, висели разноцветные фонарики и трепыхались ленты с неизвестными письменами, а прямо у входа стояла каменная чаша с водой.

— Я подожду вас здесь, госпожа, — тихо сказала Юми, поклонившись. Кэрри кивнула — странное, почти благоговейное чувство охватило всё её существо, перехватило дыхание. Она разулась и толкнула дверь, из храма потянуло вездесущими благовониями. Внутри царил полумрак, свет падал сквозь окна, расположенные под потолком и больше похожие на бойницы. Помещение было пустым, только алтарь в самом конце притягивал взгляд. Над ним возвышалась мраморная статуя воина, облачённого в малахитовые доспехи. В одной руке он держал меч, а вторая тянулась за спину за вторым, чья рукоять торчала из-за плеча. Мастерски выполненная фигура дышала силой и холодной яростью, от которой мурашки бежали по спине. Хотелось упасть перед ней на колени и молить о пощаде, и в то же время просить позволения коснуться носков сапог и мечтать об улыбке.

Проглотив внезапно выросший в горле комок, Кэрри с трудом отвела глаза от статуи Сакумо и едва не вскрикнула — он смотрел на неё из угла. Пара секунд ушла на то, чтобы осознать — это картина. Большая картина, занимающая почти всю стену. Ноги почти не слушались, превратившись в две деревяшки, когда Кэрри медленно подошла к ней, пытаясь рассмотреть всё и сразу. Поле боя, кроваво-чёрное, и в центре — Сакумо. Его глаза сверкали и в них плясали багровые отсветы. Растрепавшиеся волосы шевелил ветер, пальцы крепко сжимали окровавленные мечи, а на губах играла холодная, торжествующая улыбка. Картина была такой реалистичной, что Кэрри казалось — прикоснись к его щеке и сможешь стереть капли чужой крови с белой кожи.

Только сейчас до неё начало доходить, что бог — это не пустой звук. Что это история, которая для него была реальностью. Что Сакумо на самом деле очень опасный и очень закрытый. И что когда-то его боялась половина мира, и боялась заслуженно. Насколько можно скучать по такому прошлому, как сильно нужно хотеть удержать его, хотя бы здесь, в воспоминаниях и небольшом клочке земли, на котором теперь стоит его дом?.. Сейчас Кэрри отчётливо осознала, что понимает его желание удержать привычное прошлое. Да, телевизор в подобном доме точно смотрелся бы дико, а интернет и вовсе был из другой эпохи.

Оглушёная мыслями, Кэрри покинула храм, не глядя на Юми. От того, что Сакумо стал понятнее, он совершенно не стал ближе. И как такая, как она, вообще может заинтересовать такого, как он? Кэрри и раньше не задумывалась особо о том, чтобы его покорить, теперь же даже мысли об этом звучали смехотворно. Линн права, единственное, на что она годиться — греть в постели. Но сейчас даже этого дать не может. Как быстро он поймёт, что всё это было ошибкой? Как быстро откажется от неё? Оставив Юми на берегу, Кэрри медленно побрела по мосту к беседке, не обращая внимания на ветер, трепавший полы её юката. Сейчас она чувствовала себя древней японской принцессой, которая предназначена великому самураю, только этот воин берёт её в жёны ради детей, а не ради того, чтобы сделать счастливой. Кэрри никогда не задумывалась о детях, но сейчас вдруг представила черноволосого мальчика, отчаянно желающего походить на отца. Упрямого, смелого, красивого. Задумчивая улыбка скользнула по губам. Интересно, могут ли боги иметь детей?..

В беседке стояли два низких длинных дивана, покрытые плоскими шелковыми подушками. Между диванами — низкий столик, и больше ничего. Ветер неспешно шевелил ткань, скрывающую озеро, и Кэрри отодвинула её в сторону и облокотилась о перила, залюбовавшись лотосами.

— Юми сказала, ты была в храме, — зазвучал тихий голос за спиной. Сердце тут же подскочило в горло, Кэрри резко обернулась. После того, как увидела его другим, в истинном обличье, было слишком сложно видеть в нём профессора из пансионата. Этот Сакумо был другим, теперь Кэрри могла понять свою первую реакцию на него — страх. Безотчётный и неконтролируемый. И в то же время к страху примешивалась тайная гордость за то, что он выбрал её. Пусть ненадолго, но всё же из всех он выбрал именно её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.